

ИСТОРИЯ

УДК 94(3)

В статье рассмотрены два взаимосвязанных вопроса: отправка посольства римлян в греческие полисы в середине V в. до н. э. и греческое влияние на формирование римских магистратур, для выяснения которого проведено сравнение децемвирата и архонтата. Автор делает вывод, что возврат интереса исследователей к децемвирату на основе преодоления негативного отношения к античной нарративной традиции, свойственного постмодернизму, позволяет поставить новые исследовательские задачи изучения в русле исторической компаративистики систем римских и греческих магистратур.

Ключевые слова: decemviri legibus scribundis; οἱ ἐννεά ἄρχοντες; посольство; греческие полисы; магистратуры; Афины; Великая Греция; Рим.

The article considers two interrelated issues: sending the Roman embassy to Greek poleis in the middle of the 5th century BC and the Greek influence on the formation of the Roman magistracy. To clarify this issue decemviri and archons were compared. The author concludes that the recurrence of researchers' interest to the decemvirate on the basis of overcoming the postmodern disregard to the ancient narrative tradition allows us to put new research objectives in the course of historical comparativistics

Keywords: decemviri legibus scribundis; οἱ ἐννεά ἄρχοντες; embassy; Greek poleis; magistrates; Athens; Magna Graecia; Great Greece, Rome.

В. В. Дементьева

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: vv_dementieva@mail.ru*

Децемвиры и архонты: греческое влияние на формирование римской магистратской власти

Научная статья

V. V. Dementyeva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Decemviri and Archons: The Greek Influence to the Formation of the Roman Magister Power

Scientific article

Написав почти уже полтора десятка лет назад монографию о децемвирате, до сих пор остающуюся единственной в мировой историографии об этой римской магистратуре, я сформулировала в ней свою позицию по поводу политических контактов Рима с греческим миром в середине V в. до н. э.: «...анализ источников приводит нас к выводу о том, что посольская экспедиция за греческими законами предшествовала избранию коллегии десяти...» [1, с. 62; 2, с.63], а также признала вполне реальным участие грека Гермодора в составлении законов XII таблиц [1, с. 56–57]. Однако первое десятилетие 2000-х годов было временем, когда постмодернизм с его отрицанием самой возможности достоверного и объективного знания на основе письменных источников (текст не выполняет референциальную функцию, не отра-

жает действительность) многое определял в исторической науке. Этот постмодернистский негативизм изрядно прошелся и по римской архаике, по V в. до н. э. в том числе, – наглядным примером замены опоры на источники собственными домыслами служат статьи А. В. Коптева [см., например: 3, 4]. Как несложно оценить по изданному в 2017 году Уве Вальтером справочнику библиографического характера, в котором систематизируются исследования по основным элементам римского республиканского устройства [5], децемвират в зарубежной историографии первых полутора десятилетий XXI в. как объект исследования (в качестве магистратуры) практически игнорировался; к нему если и обращались, то, в основном, лишь только под углом сомнений в историчности сведений нарративной традиции.

© Дементьева В. В., 2018

Через два года после издания моей монографии вышел сборник статей, посвященный децемвиральному законодательству [6]. В опубликованной в нем статье испанская исследовательница Консуело Карраско Гарсия выражала сожаление, что децемвират (коллегии *decemviri legibus scribundis*) как особая форма осуществления власти не изучен, незаслуженно обойден вниманием историков [7]. Одновременно в этом же сборнике продолжалась линия непризнания достоверности информации источников о контактах Рима с греческим миром в V в. до н. э., четко сформулированная в статье Эмилио Габбы, который считал, что сведения о греческом влиянии на римскую публично-правовую жизнь отражают реалии не ранее конца IV в. до н. э. [8]. На это Л. Л. Кофанов в своей рецензии резонно замечал, что «...такой скептицизм автора, близкий к гиперкритицизму конца XIX в., мало объективен, а главное – не конструктивен в попытке реконструкции реалий V в. до н. э.» [9, с. 133].

Не связывая с контактами между греческим и римским миром, Курт Раафлауб относил формирование понятия свободы в его политическом смысле и в Греции (*ἐλευθέρια*), и в Риме (*libertas*) к первой половине V в. до н. э., подчеркивая, что свобода народа в Риме возникает не из его активной роли в политической жизни (как это было в Греции), а из уважения народом своего суверенитета и компетенции в принятии решений, а также из определенных прав и законодательного регулирования [10, см. об этом 11, с. 212–214]. К последним он причислил принцип равенства перед законом, принципы функционирования магистратур, плебейский трибунат, право провокации и др. Такое содержание римской *libertas* восходит, по мнению К. Раафлауба, собственно к первой половине V в. до н. э. К середине V в. до н. э. относил В. Н. Токмаков превращение римской высшей ординарной должности в общегражданскую магистратуру [12].

Можно вполне определенно утверждать, что римская система должностной власти оформилась – в том виде, как мы ее воспринимаем в качестве получившей основные очертания, – после децемвирата середины V в. до н. э. Но можно ли усмотреть греческое влияние на формирование римской системы магистратур? Вопрос упирается в историю посольства римлян перед созданием законов XII таблиц. Напомню основную источниковую информацию по данному поводу. Тит Ливий сообщает (Liv. III. 31. 8), что в ситуации обострения

конфликтов плебеев с патрициями последние уступили требованию первых создать комиссию законодателей и тогда, в 454 г. до н. э., т. е. до формирования таковой комиссии, «...в Афины отправились послы Спурий Постумий Альб, Авл Манлий и Публий Сульпиций Камерин, которым было приказано переписать знаменитые законы Солона и познакомиться с учреждениями, нравами и правом других греческих полисов» («...*missi legati Athenas Sp. Postumius Albus A. Manlius P. Sulpicius Camerinus, iussique inclitas leges Solonis describere et aliarum Graeciae civitatum instituta mores iuraque noscere*»). В 452 г., согласно Ливию, посольство вернулось (Liv. III. 32. 6): *Iam redierant legati cum Atticis legibus. Eo intentius instabant tribuni ut tandem scribendarum legum initium fieret. placet creati decemviros sine provocatione, et ne quis eo anno alius magistratus esset.* («Уже возвратились послы с аттическими законами. Тем сильнее настаивали трибуны, чтобы, наконец, начата была запись законов. Было постановлено учредить децемвиров без провокации и никаким другим магистратам в этом году не быть».)

Придерживается последовательности цепочки событий, представленной у Ливия, и Дионисий Галикарнасский: сначала выборы и отправка послов, затем их возвращение с законами и уже после этого избрание децемвиров. Но в его изложении посольство было отправлено не только в Афины, но и в греческие города Италии. Во вложенной Дионисием в уста Тита Ромилия речи содержится совет сенату направить послов таким образом (Dionys. X. 51. 5): «...*πρέσβεις ἐλέσθαι τοὺς μὲν εἰς τὰς Ἑλληνίδας πόλεις τὰς ἐν Ἰταλίᾳ, τοὺς δ' εἰς Ἀθήνας οἵτινες αἰτήσάμενοι παρὰ τῶν Ἑλλήνων τοὺς κρατίστους νόμους καὶ μάλιστα τοῖς ἡμετέροις ἀρμόττοντας βίοις οἴσουσι δεῦρο*» («...выбрать послов: одних – в греческие полисы в Италии, других – в Афины, с тем чтобы они, испросив у греков самые лучшие и наиболее соответствующие нашему образу жизни законы, привезли их сюда»). В дальнейшем повествовании Дионисий фиксирует порядок формирования и состав посольства (Dionys. X. 52. 4): *γραφέντος δὲ τοῦ προβουλευματος, καὶ μετὰ ταῦτ' ἐπικυρώσαντος τοῦ δήμου πρέσβεις ἀπεδείχθησαν οἱ τοὺς παρὰ τῶν Ἑλλήνων νόμους ληψόμενοι, Σπόριος Ποστόμιος καὶ Σερούιος Σολπίκιος καὶ Αὔλος Μάλλιος οἷς τριήρεις τε παρεσκευάσθησαν ἐκ τοῦ δημοσίου καὶ ἄλλος κόσμος εἰς ἐπίδειξιν τῆς ἡγεμονίας ἀποχθρῶν.* («Когда сенатусконсулт был

записан и после этого утвержден народом, были назначены послы, которые должны были получить законы у греков – Спурий Постумий, Сервий Сульпиций, Авл Манлий; им были приготовлены за счет казны тиеры и другое снаряжение в доказательство достаточной гегемонии {Рима}».) Затем Дионисий, говоря о годе консулата Луция Менения и Публия Сестия, сообщает (Dionys. X. 54. 3), что «в это время явились послы из Афин и из италийских греческих полисов, привезя законы»: ἐν δὲ τῷ αὐτῷ καιρῷ παρεγένοντο ἀπὸ τ' Ἀθηναίων καὶ τῶν ἐν Ἰταλοῖς Ἑλληνίδων πόλεων οἱ πρέσβεις φέροντες τοὺς νόμους. И в дальнейшем три посла, которые доставили законы от эллинов, были избраны в число децемвиров (Dionys. X. 56. 2):...τρεις δὲ οἱ κομισάντες παρὰ τῶν Ἑλλήνων τοὺς νόμους, Σπόριος Ποστόμιος καὶ Σερούιος Σολπίκιος καὶ Αὔλος Μάλλιος.

О том, что римляне взяли законы в Греции, которые были использованы децемвирами при кодификации права, упоминали и другие древние авторы, включая представителей истории описания поздней Античности [см.: 1, с. 53–57.]. Но о посольстве как таковом ничего не сказали Полибий и Цицерон (хотя Цицерон и отмечал включение децемвирами в текст XII таблиц законов Солона – Cic. De leg. II. XXIII. 59; XXV. 64), что заставляло многих исследователей не доверять информации нарративной традиции о посольстве [см.: 1, с. 57–62]. Повод для сомнений в историчности отправки послов за законами традиционно находили еще и в том, что годичный срок посольства, который зафиксирован в ней, представлялся для этой цели явно излишним. Мою позицию признания факта существования посольства исследователи не торопились разделить, однако по прошествии почти десятка лет после выхода моей книги итальянская исследовательница Донателла Монтеверди констатировала: «Ни молчание Полибия, ни молчание Цицерона в «De re publica» не представляются, следовательно, решающими аргументами против идеи о контактах Рима с Грецией и Великой Грецией через послов» [13, с. 42]. Автор, проанализировав текст Полибия и Цицерона, признала также, что «если через Плиния, Страбона и в особенности Помпония до наших дней сохранились многочисленные следы присутствия Гермодора, то очевидно, что нет никакой общей тенденции отрицать участие эфесского философа в создании XII таблиц» [13, с. 43]. Объяснение длительности срока пребывания посольства Д. Монтеверди нашла в его целях: «Если

же, что более соответствует тексту Ливия, послы получили задание понять, как функционирует система институтов и государственного устройства, то срок в один год представляется более чем оправданным» [13, с. 44].

Утверждение Д. Монтеверди о том, что «посольство не ограничивалось простым визитом для “переписывания” пакета законов», мне близко. Я соглашаюсь с тем, что его задачами было «не просто привезти в Рим копию законов Солона, а понять функционирование системы, лежащей в основе политического и государственного устройства, отличного от римского» [13, с. 45]. Доказательством этого итальянская исследовательница считает «тот факт, что наши источники связывают возвращение послов с учреждением магистратуры децемвиров, которые создавали “законы”, а не непосредственно с законодательной деятельностью» [13, с. 45]. Мне представляется чрезвычайно симптоматичным возврат исследователей к опоре на свидетельства нарративных источников, отчетливо проявившийся в статье Д. Монтеверди и дающий основание для оптимизма в отношении дальнейшего научного постижения V в. до н. э. в римской истории.

Д. Монтеверди считает более вероятным, что римские послы изучали действие законов в греческой системе не в балканских полисах, а в городах Великой Греции, а оттуда уже могли отправиться в Афины. При этом они не столько вникали в нормативное содержание или форму законов – целью их была «оценка последствий того шага, который плебеи требовали от патрициев в отношении учреждения магистратуры, т. е. – и это опять же ясно из текста Ливия – какой импульс придаст высшей власти создание свода законов» [13, с. 45]. Мне, подчеркивавшей, что целями создания децемвирата было и составление законодательства, и реформирование системы магистратур (не находившей, в отличие от других исследователей, противоречия в соединении этих целей) [1, с. 62–64], глубоко импонирует наблюдение Д. Монтеверди о том, что «посольство было частью более сложной попытки политических и институциональных изменений... так что после его возвращения было решено предпринять *mutatioformaecivitatis*» [13, с. 46]. О том, что изменилась форма римской гражданской общины (*civitas*)¹ при создании децемвирата сообщает Ливий (Liv. III. 33. 1): *anno trecentesimo altero quam condita Roma erat iterum mutatur forma civitatis*,

¹ Речь идет о форме ее политического устройства. О соотношении понятий *civitas* и *res publica* см. [14].

ab consulibus ad decemuiros, quemadmodum ab regibus ante ad consules venerat, translato imperio. («В триста втором году от основания Рима снова изменилась форма *civitas*, империй перешел от консулов к децемвирам, как прежде от царей к консулам».)

Д. Монтеверди совершенно справедливо, на мой взгляд, отрицает наличие несоответствия в источниках (что я раньше и стремилась показать) и не поддерживает точку зрения о позднем появлении в нарративной традиции рассказа о посольстве, основанной, как она подчеркивает, только на предположении, что в ней существовала тенденция относить контакты с Грецией к более раннему времени, «чтобы облагородить грубое происхождение римской *civitas*» [13, с. 47]. Она обращает внимание на то, что факт культурного влияния Греции на Рим – даже ранее середины V в. до н. э. – теперь почти не оспаривается в историографии, предостерегая при этом от впадения в другую крайность, будто бы в V в. уже существовали развитые отношения между Элладой и Римом (она присоединяется к точке зрения Э. Габбы, что таковые появляются только после войны с Тарентом в IV в. до н. э.): если бы отношения достигли расцвета, то и посольство отправлять не было бы необходимости, высокий уровень контактов и, соответственно, информированности делал бы это ненужным. В логике изложения Д. Монтеверди выстраивается такая цепочка: римляне стремились преодолеть конфликт патрициев и плебеев, достичь социального и политического равновесия на основе придания новой формы *civitas*, а с этой целью готовились составить новый корпус законов – для совокупного решения этих задач и были отправлены послы к грекам. Вывод исследовательницы подкрепляется указанием на сходство между комиссией децемвиров и коллегией архонтов: «Результат действительно представляет собой комплексное решение, которое касается не столько содержания законов, сколько соотношения между *forma civitatis* и *iura*, в котором, как мне кажется, элементом, более близким греческому миру, был характер магистратуры, а не нормативная система. Сходство между архонтами и децемвирами настолько очевидно, что невозможно отрицать факт заимствования» [13, с. 46–47].

Признавая результат изучения, проведенного Д. Монтеверди, принципиально значимым, зададимся, однако, вопросом: только ли сходство (в чем оно конкретно состояло, Д. Монтеверди не уточняла) можно обнаружить между римскими децемвирами и афинскими архонтами? В поисках

ответа на него сформулируем хотя бы в первом приближении общие и отличительные черты этих высших магистратов.

Децемвиры — магистраты с империем, осуществляли все права, из него вытекавшие, в гражданской и военной сферах, как я подробно это обосновывала [1, с. 107–128]. Сходство с архонтами можно обнаружить в магистратской компетенции (аналога понятию «империй» у греков не было): их сближают судебные функции (судей/председателей судебных заседаний и обвинителей) и военные, право пересмотра действующих законов/ внесения законодательных предложений, а также забота об исправности календаря.

Что касается отличительных особенностей, то одна такая черта сразу бросается в глаза, а именно численность коллегий: архонтов было 9, а децемвиров – 10. По поводу количества должностных мест в афинских магистратурах И. Е. Суриков пишет: «Обычно в демократических Афинах коллегии магистратов (стратегов, эллиноتامиев и т. д.) состояли из 10 лиц – по числу 10 клисфеновских фил: каждый член коллегии представлял одну из этих фил. Коллегии с числом членов, отличным от 10 (например, девять архонтов – οἱ ἐννέα ἄρχοντες), именно потому такими и были, что восходили в своих истоках к архаической эпохе» [15, с. 23, прим. 38]. Римляне направили послов в Грецию, как сообщают античные авторы, за законами Солона (времен афинской архаики), чтобы учесть греческий опыт социальной стабилизации. Они сделали это в середине V в. до н. э., т. е. в период расцвета афинской демократии, когда обычная численность коллегий высшей должностной власти зафиксировалась на десяти членах. Если греческие архаические законы (возможно, не только Солона, но также Харонда и Залевка) нужны были римлянам для разрешения сословных конфликтов, то при реформировании магистратской власти можно было воспользоваться и современным греческим примером. Кроме того, коллегия высших должностных лиц Афин фактически имела (вероятнее всего, в результате реформ Клисфена, как обосновывает это И. Е. Суриков [16, с. 44, 49]) такой состав: 9 архонтов + 1 секретарь. До реформ Солона архонтов выбирал Ареопаг; по итогам реформ, согласно аргументации И. Е. Сурикова, не произошел переход к избранию их по жребию; «архонтские должности остались выборными, но теперь прерогатива этих выборов перешла от Ареопага к демосу, т. е. к народному собранию»; жребий из предварительно

намеченных демами 500 кандидатов стал использоваться только с первых десятилетий V в. до н. э. (в связи с преобразованиями этой магистратуры в 497 г. до н. э.) [16, с. 45, 49]. Секретаря тоже выбирали [17, с. 220, прим. 2], следовательно, он был магистратом, хотя и со специфическими функциями. Сказанное позволяет не считать аргументом в пользу отсутствия греческого влияния на создание децемвирата его отличавшуюся от коллегии архонтов численность, ко времени римского посольства в коллегии архонтов реально было 10 человек (коллегиальные магистратуры были приведены в соответствии с учрежденными Клизфеном 10 филами). Временем наивысшей роли архонтата И. Е. Суриков считает хронологический отрезок между 510 и 487 гг. до н. э., определяя роль архонтата-эпонима в это время как «президентскую». Реформа 487 г. до н. э. подорвала значение данного института. Он стал менее влиятельным, чем коллегия стратегов; потеряв политическое влияние он, однако, остался авторитетным органом, значимым для других важных сфер жизни полиса [16, с. 48, 50–51]. Когда римляне тридцать три года спустя после отмеченной реформы могли познакомиться с деятельностью архонтов, они должны были увидеть магистратов, пользующихся высоким престижем. Более того, перед самым визитом римлян, в 457 г. до н. э., право доступа в архонтат получили афинские зевгиты (а на практике допускались и феты), в чем И. Е. Суриков отнюдь не усматривает снижение роли данной коллегии, подчеркивая, что это право оставалось «высоким и ценным» [16, с. 50–51]. В связи же со сравнением архонтата с децемвиратом представляется существенным этот допуск низов гражданского населения в столь значимый орган власти афинского полиса незадолго до прибытия посольства римлян: непосредственное впечатление от этого решения могло повлиять на то, что в составе второй коллегии децемвиров, как мы это детально старались обосновать, пять должностных мест были заняты плебеями [1, с. 97–105].

Заметное отличие децемвиров от архонтов можно усмотреть в отсутствии ранжирования (иерархии) внутри магистратуры: если коллегии архонтов состояла из эпонима, базилея, полемарха и фесмофетов, отличавшихся и статусом, и полномочиями, то десять римских мужей подобной внутренней структуры своей комиссии не имели. И, конечно, на поверхности лежат и различия в способе избрания: ни представительство от территори-

альных округов в высшей магистратуре, ни жеребьевка как избирательная процедура для римлян не были характерны.

Суммируя и обобщая, можно сказать, что определенное сходство обнаруживается в полномочиях, функциях децемвиров и архонтов, а различия – в их практике деятельности и в механизме функционирования данных магистратур. Последнее вполне объяснимо. Да, новая форма политического устройства *civitas* возникает после специального контакта с греческими полисами. Но у римлян была своя исходная база публично-правового устройства, сложившаяся к этому времени: *imperium*, унаследованный от царей, сенат с традициями управления, также уходящими в царскую архаику. Новшества должны были быть приспособлены к основополагающим властным механизмам регулирования политической жизни *civitas*. Ко времени посольства в Грецию у римлян уже несколько десятков лет существовал плебейский трибуна́т (не относившийся, по моему мнению, к магистратурам, т. к. трибуны не имели своей сферы управления, инсигний власти и пр.), посредством которого осуществлялся контроль за деятельностью магистратов со стороны граждан. Парадокс заключался в том, что отсутствие подобного института в Афинах, созданного специально для защиты демоса от аристократов, заставляло демократизировать основные элементы политической организации, а наличие его в Риме (и действенность его) позволяло не затрагивать (длительное время или на протяжении всего существования Республики), реформированием в пользу плебса другие звенья государственного управления. Показательно, что плебейский трибуна́т не был сохранен на время действия комиссий децемвиров (Cic. De leg. III.19; Zon. VII.18), что можно расценить и как попытку приблизить римскую политическую систему к греческим образцам. Такое отступление от укоренившегося в римской государственной практике института оказалось недолговечным.

В целом же возврат интереса исследователей к децемвирату на основе преодоления постмодернистского негативизма к античной нарративной традиции, наглядно продемонстрированный работой Д. Монтеверди, развитие ею созвучных мне представлений о римском посольстве в греческие города в середине V до н. э. и его результатах позволяет поставить и новые исследовательские задачи, а именно изучение в русле исторической компаративистики не только децемвирата и архонтата (их

сравнение нуждается в дальнейшем углубленном анализе), но и целиком систем римских и греческих магистратур. Тенденция сопоставления греческой демократии и римского республиканизма в историографии крепнет (см.: 18; 19), а намечающиеся новые горизонты научных антиковедческих штудий должны раздвинуть их привычные внутридисциплинарные границы.

Ссылки

1. Дементьева В. В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н. э. М., 2003. 211 с.
2. Дементьева В. В. Причины создания и целевое назначение децемвирата // Вестник древней истории. 2001. № 4. С. 46–65.
3. Коптев А. В. О начальной дате Римской республики // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2007. Т. 4. С. 67–88.
4. Коптев А. А. Tribuni militum consulari potestate – кто они? // Вестник древней истории. 2007. № 2. С. 40–59.
5. Walter U. Politische Ordnung in der römischen Republik. Berlin ; Boston, 2017. 308 S.
6. Le Dodici Tavole. Dai Decemviragli Umanisti. A cura di M. Humbert. Pavia, 2005. 582 p.
7. Carrasco Garsia C. Res publica come costituzionemista e decemvirato: Polibio e Cicerone // Le Dodici Tavole... P. 125–146.
8. Gabba E. Proposta per unquardostorico di Roma nel V sec. A.C. // Le Dodici Tavole... P. 117–124.
9. Кофанов Л. Л. Рецензия на книгу: Dai Decemviragli Umanisti. A cura di M. Humbert. Pavia, 2005. 582. p. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2008. № 1 (21). С. 132–137.
10. Raaflaub K. Zwischen Adel und Volk. Freiheit als Sinnkonzept in Griechenland und Rom // Sinn (in der Antike. Orientierungssysteme, Leitbilder und Wertkonzepte im Altertum. Mainz am Rhein, 2003. S. 55–80.
11. Дементьева В. В. Современная античность и античная современность (Историография начала XXI в. о греко-римских истоках европейских политических парадигм) // Вестник древней истории. 2008. № 3. С. 212–223.
12. Токмаков В. Н. Некоторые аспекты консульской власти в конституции Рима V в. до н. э. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 37–38.
13. Монтеверди Д. Законы XII таблиц и греческие законы, «предназначенные для создания свободной народной республики» // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2015. № 2 (32). С. 22–58.
14. Дементьева В. В. Категориальный аппарат изучения «римской революции»: понятие «quasi civitas» в исследовании Я. Ю. Межеричского // Вестник древней истории. 2017. № 3. С. 752–768.
15. Суриков И. Е. Кража в раннем греческом законодательстве (на примере Афин) // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2015. № 1 (31). С. 12–27.
16. Суриков И. Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // Вестник древней истории. 2012. № 3. С. 29–54.
17. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности. СПб., 1997. 343 с.
18. A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Malden–Oxford: Wiley Blackwell, 2015. 531 p.
19. Махлаюк А. В., Суриков И. Е. Эллада и Рим sub specie comparationis (A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Malden–Oxford: WileyBlackwell, 2015. XVIII. 531 p.) // Вестник древней истории. 2016. № 2. С. 477–489.